

прецеденты – раздел Османской империи между Англией и Францией, раздел Ирана между Россией и Великобританией, раздел Китая между Великобританией, Францией, Россией, Японией и Германией. Все это выявляет и рельефно обрисовывает геополитические угрозы национальной безопасности России, связанные с продолжением экспансии Запада, гибридными войнами и «цветными революциями».

Литература

1. Карпович О.Г., Манойло А.В., Наумов А.О. Противодействие технологиям цветных революций в молодежной среде. – М.: «Известия»УД ПРФ, 2015.
2. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами // Политэкс (Политическая экспертиза). – 2008. – № 3. – С. 62–73.
3. Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 110–132.
4. Martin W.J. The Information Society. – L., 1988.
*«Вестник Российской нации»,
М., 2015 г., № 6, с. 206–214.*

Е. Сатановский, президент Института Ближнего Востока МЕЖДУ КРИЗИСОМ И КАТАСТРОФЕЙ

Ближний Восток и будущее мира

Чем хороша текущая эпоха – исторических тайн все меньше. Что позволяет напомнить читателю о российско-британском Санкт-Петербуржском соглашении 1907 г., по которому Тибет оставался за Китаем, протекторат над Афганистаном получали англичане, а Иран они с русскими делили, так что Каспийское море становилось российским водоемом. И если б не октябрь 1917-го, так бы и закончилась «Большая игра». Благо от Оттоманской Порты после Первой мировой войны мало что осталось, соглашение Сайкса–Пико прирезало России дополнительные пространства в Восточной Анатолии (не говоря о Черноморских проливах, контроль над которыми Российской империи был оговорен особо), а присутствие США на Ближнем и Среднем Востоке было в ту

пору несущественным: главную роль там играли Британия и Франция.

Османская империя не пережила потрясений столетней давности, и рухнула, как и Российская, воскресая как Советский Союз, который к концу XX столетия распался на составные части, не слишком отличаясь в этом от всякой большой империи. Впрочем, еще до того рассыпались и соперничавшие с ним колониальные империи: Британская и Французская. К середине второго десятилетия XXI в. стало ясно, что мир движется к соотношению сил, более характерному для XVII–XVIII столетий с понятными геополитическими поправками. С точки зрения возможностей и влияния, в том числе в военной сфере, Запада становится меньше, Востока и Юга – больше. Россия балансирует между ними, Китай, Индия, Турция и Иран возвращают свое место на международной арене, Япония и Южная Корея вернулись в клуб экономической элиты много раньше.

Новые игроки – латиноамериканские государства (среди которых выделяется Бразилия), ЮАР, Канада и Австралия – занимают свои ниши в системе мироустройства. Соединенные Штаты пытаются сохранить если не положение единственной сверхдержавы при соперничестве с Китаем, то монополию на статус глобального гегемона, чьи интересы распространяются на всю планету. Они ввязываются в одну локальную войну за другой только для того, чтобы, потерпев очередное поражение, уйти, оставив за собой хаос. Украина стала новым полем соперничества Запада с Россией. Центральная Азия превращается в такое же пространство с опорой США на Туркменистан и попытками расширить зону влияния на другие государства региона, в первую очередь, Узбекистан. Страны арабского мира дестабилизированы, направленная против светских режимов «арабская весна», наступившая при активной поддержке Саудовской Аравии и Катара, переросла в борьбу за власть между исламистами и военными.

Хантингтон оказался прав, Фукуяма – нет. Война цивилизаций идет полным ходом, а «конца истории» и окончательной победы либеральной западной демократии нет и не предвидится. Глобализация не сулит Европе ничего хорошего: миллионы переселенцев из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока, которые живут в государствах ЕС, и десятки миллионов, готовые переселиться ближе к европейским пособиям при первой возможности, намерены не ассимилироваться, а подогнать Старый Свет под свои стандарты. Европа при этом не испытывает недостатка ни

в правых радикалах всех типов, ни в исламистах, постепенно становясь не заповедником социал-демократического либерализма, а полем столкновений радикалов. Причем балансирование континента, условно говоря, «между Брейвиком и бен Ладеном» в конечном счете ни для кого не окончится хорошо. К тому же при сохранении текущих темпов миграции к 2050 г. соотношение коренных и «пришлых» жителей Евросоюза изменится фундаментально.

Отдельная тема – по какому пути идет Россия и чем это для нее закончится. Ее исторический опыт свидетельствует о том, что в 30-е, максимум 40-е годы текущего столетия, после смены по естественным причинам правящей в настоящий момент элиты, страну ожидают немалые потрясения. Проблемы ее экономики, образования и прочих ключевых для успешного функционирования государства и страны сфер деятельности – секрет только для правительства, усилиями которого эти процессы развиваются именно так, как развиваются. Однако настоящая статья посвящена не России (хотя не упоминать ее нельзя), а текущей ситуации и потенциальным перспективам развития Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и его периферии: африканской и европейской, Центральной Азии и Закавказья. Ибо все в мире связано, и связи эти проявляются быстрее, чем в прошлом.

Это продемонстрировал спровоцированный Турцией кризис беженцев. В дополнение к непрерывному потоку беженцев из Африки и стран БСВ, прибывающих в Италию через Ливию, Грецию и Балканы в Западную Европу, в первую очередь в Германию, был направлен поток в несколько сотен тысяч человек. К концу года он может достичь миллиона. Судя по заявлениям ответственных чиновников ООН, согласно которым в мире насчитывается около 60 млн беженцев и перемещенных лиц, а более 200 млн готовы стать мигрантами в силу экономических причин и невыносимых условий жизни, – это только начало. В способность европейских политиков найти адекватные механизмы реагирования на этот вызов автор поверить не готов.

Турция в европейском кризисе беженцев преследовала несколько целей. Президенту Реджепу Тайипу Эрдогану нужно было продемонстрировать к парламентским выборам 1 ноября способность справиться с критической ситуацией, к которой привела поддержка Анкарой гражданской войны в Сирии. А именно: разгрузить Турцию от части более чем трех миллионов беженцев, живущих на ее территории. Кроме того, оказывая давление на ЕС,

он стремился получить от Брюсселя деньги (они на беженцев выделены), перекладывая на Европу (с прицелом на Германию) эту проблему. Наконец, пытался толкнуть европейских членов НАТО к удару по войскам Башара Асада (безрезультатно, с учетом появления в этой стране российских ВКС). Сама ситуация показывает, насколько западный мир уязвим перед процессами, происходящими на Ближнем и Среднем Востоке. Рассмотрим их чуть подробнее – ибо, как известно, «дьявол кроется в деталях».

Неформальные альянсы и конфликты

«Арабская весна» – падение авторитарных правителей, которых заменили не либерально-демократические круги, молодежь, женщины, технократы и правозащитники, а исламисты – как и предполагалось, пошла на спад. В Тунисе «Братья-мусульмане» в лице партии «Ан-Нахда» утратили монополию на власть по итогам парламентских выборов. В Египте «Братьев» свергли военные. В Ливии исламисты разного толка воюют между собой, опираясь на поддержку Саудовской Аравии или Катара, а Каир поддерживает генерала Халифа Хафтара и его сторонников из бывшей армии Каддафи. Йемен стал одним из наиболее опасных для суннитских монархий Аравийского полуострова региональных плацдармов Ирана, хотя противостоят в этой стране Эр-Рияду и его «группе поддержки» не иранцы, а йеменские хоуситы и экс-президент Али Абдала Салех.

Проект свержения Асада завяз и имеет все шансы провалиться, хотя Дамаск, если бы не поддержка Ирана и действия российских ВКС, находился бы в одном шаге от падения под напором террористических группировок, поддерживаемых Турцией, Саудовской Аравией и Катаром. В регионе оформились два военно-политических и экономических альянса: Турция–Катар и Египет–Саудовская Аравия. Вооруженные силы, промышленность и значительное население, составляющие основной стратегический резерв Анкары и Каира, дополняют финансовые авуары Дохи и Эр-Рияда, гарантируя им безопасность в случае возникновения серьезных проблем. Авантюрная же политика катарцев и саудитов на протяжении первой половины 2010-х годов, почувствовавших при попустительстве США и европейцев вкус к реформатированию БСВ по собственной прихоти, эти проблемы гарантирует.

Турецко-катарский союз основан на единстве подходов к «группам внешней поддержки». Обе страны патронируют

«Братьев-мусульман» всех типов, включая ХАМАС и «Исламское государство» (ИГ), хотя у каждой есть и собственные креатуры, вроде «Ахрар аш-Шам» у Катара и туркоманов у Турции на сирийской территории. Правда, Анкара полагает для себя главной опасностью курдов, государственность или территориальная автономия которых в Ираке и Сирии чревата резким усилением сепаратизма в восточных провинциях Турции. В противоположность этому альянсу, АРЕ и Саудовскую Аравию сближает общий враг, в роли которого выступают «Братья-мусульмане» и ИГ. Их союз выглядит менее прочным. Для египетских военных салафитские радикальные группы – такой же естественный противник, как и все прочие исламисты. Для саудовской династии – скорее союзник (кроме «продавшегося» Катару ИГ), что в близкой перспективе чревато конфликтом интересов.

Возможно, главную проверку на прочность египетско-саудовская ось пройдет после ввода в эксплуатацию в 2017 г. четырехкаскадной плотины «Возрождение» в Эфиопии, на Голубом Ниле. На время заполнения водохранилища, которое должно занять 6 лет, объем стока Нила, получаемого Египтом, снизится на 30% (после чего сток Нила будет меньше «лишь» на 20% – если не будут построены другие гидроузлы). Выработка электроэнергии на Асуане, по предварительным расчетам, должна упасть на 40%. В АРЕ с ее демографией это может вызвать экономическую и социальную катастрофу. Сможет ли Каир без масштабной внешней поддержки выдержать этот удар, сомнительно, как и то, хватит ли для этой поддержки ресурсов Эр-Рияда, которые он истощает в ходе интервенции «Аравийской коалиции» в Йемене, борьбы с Катаром в Ливии, глобального противостояния с Ираном и поддержки группировок, борющихся против Асада, не говоря о ценовой войне на нефтяном рынке с США, разорительной для саудовского бюджета не меньше, чем для американских производителей сланцевой нефти.

Главные загадки на БСВ в текущий момент: курс, который после победы на внеочередных парламентских выборах Партии справедливости и развития выберет президент Эрдоган; перспективы развития ситуации в Афганистане и «центральноазиатской весны» за его пределами, а также будущее исламистских группировок после начала действий в Сирии Российских ВКС. Последнее может самым непредсказуемым образом сказаться на салафитских монархиях: Саудовской Аравии, на протяжении четверти века

опирающейся на них в проведении внешней политики и конкурирующей с ней в этом два десятка лет Катаре.

Турецкие загадки

Эрдоган с его взрывным конфликтным характером и амбициями по превращению Турции в новую Оттоманскую Порту, получив возможность сохранить контроль над однопартийным правительством, может сосредоточиться на изменении конституции, пытаясь реализовать проект превращения парламентской республики в президентскую – и, не исключено, добьется успеха. С другой стороны, он с такой же вероятностью способен начать очередную внешнеполитическую авантюру в Сирии, будь то попытка выкроить там «буферную зону» под предлогом защиты интересов туркоманского населения, удар по позициям курдов либо масштабная поддержка исламистов в районе Алеппо, традиционно считающемся зоной турецких интересов. Причем первый и третий сценарии сталкивают Турцию с Ираном в условиях, когда ее действия не поддержит Вашингтон, о чем Эрдоган знает, а второй – прямо противоречит планам Соединенных Штатов ударить по «столице ИГ» Ракке, который они готовят, имея в запасе в качестве главной атакующей силы именно курдов.

Коалиция, возглавляемая США, не может позволить себе продолжать вялотекущую борьбу против ИГ с неясными результатами и временной перспективой: на фоне успехов российских ВКС в Сирии это выглядит как потеря инициативы на БСВ в целом. Как следствие, несмотря на лоббирование со стороны аравийских монархий тех или иных исламистских группировок в качестве «умеренной оппозиции», идея использовать исламистов для свержения Асада или в качестве противовеса Ирану и шиитскому режиму в Багдаде может принести ее сторонникам в западных столицах больше минусов, чем плюсов. Заинтересованность Турции и ее президента в сохранении ИГ как партнера (контрабанда нефти, зерна и муки, археологических артефактов, продажа оружия и выкуп заложников – многомиллиардный бизнес для некоторых турецких фирм) и противника сирийских и иракских курдов до определенного времени сдерживала контртеррористическую коалицию, членом которой Анкара является, но личная неприязнь Эрдогана и Обамы зашла слишком далеко, чтобы Вашингтон перестал с этим считаться.

Опасения насчет возможного столкновения России и Турции в Сирии рассматривать всерьез не стоит: шантаж и угрозы – обычный стиль Эрдогана, который привел к его фактической изоляции в руководстве стран НАТО. Политика «ноль проблем с соседями», выдвинутая в начальный период его правления бывшим главой МИДа и нынешним премьер-министром Ахметом Давутоглу, за последнее десятилетие привела к тому, что нет ни одного соседнего с Турцией государства, у которого не было бы с ней конфликта той или иной степени. Анкаре не имеет смысла всерьез накатывать на Москву в условиях острого противостояния с Ираном из-за разногласий по Сирии. Доставка нефти и природного газа из Ирана в Турцию в настоящее время под угрозой из-за взрывов трубопроводов на востоке страны, ответственность за которые несет Рабочая партия Курдистана (РПК) – притом что разрывать перемирие с ней ради внутривнутриполитических спекуляций Эрдогана никто не заставлял.

Отметим также, что строить в Турции АЭС «Аккую» на условиях, которые согласовал «Росатом», не будет больше никто. Превращение Турции в энергетический хаб мирового значения и главный транзитный узел по поставке газа в Южную и Восточную Европу зависит именно от России с ее проектом «Южный поток», трансформированным в «Турецкий поток». Для того чтобы эта задача была реализована, мало действующей трубопроводной системы, которая связывает Турцию с Азербайджаном, и надежд на Транскаспийский газопровод, призванный вывести на рынок ЕС природный газ Туркменистана (ТКГ). Последний проект на текущий момент в условиях жесткого оппонирования его реализации со стороны России и Ирана и заинтересованности Китая в ресурсной базе ТКГ не более реален, чем трубопровод в Турцию с Аравийского полуострова. В свое время Асад отказался дать Дохе, Эр-Рияду и Анкаре согласие на его прокладку, что во многом стало первопричиной кампании по его свержению.

Лихорадка в Центральной Азии

«Трубопроводные войны» в Центральной Азии, судя по всему, еще впереди. Конкуренция за туркменский газ идет не только между Европой, поддерживаемой Соединенными Штатами, и Китаем: проекты ТКГ и ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) конкурируют между собой. Заявления Туркменистана о том, что природного газа в недрах республики хватит на

всех возможных потребителей, имеют мало общего с реальностью. Осенью 2015 г. вместо китайских компаний на газовое месторождение-гигант Галкыныш пришли японские, что стало, помимо прочего, следствием отказа Пекина предоставить туркменскому руководству очередные льготные кредиты для покрытия острого дефицита финансов, вызванного затратами на Азиатские игры. У Туркменистана нет другого выхода, кроме роли разменной монеты в новой «Большой игре».

Попытка играть на всех направлениях одну и ту же игру провалилась: провозглашенный еще президентом Сапармурадом Ниязовым нейтралитет не предполагает предоставления США базы ВВС в Мары, переговоры о чем практически завершены. Реализация этого плана ставит Ашхабад в сложное положение в отношениях с Москвой, Пекином и Тегераном, не решая проблем безопасности перед угрозами со стороны Афганистана. Кабул не контролирует не только пуштунские районы юга, но и север страны, населенный туркменами, узбеками и таджиками. Иран «держит» районы, населенные шиитами-хазарейцами, и с большим или меньшим успехом прикрывает границу в провинции Систан и Белуджистан от проникновения наркоторговцев и боевиков про-саудовской белуджской террористической организации «Джондалла».

Правительство Афганистана не может защитить бывшую афгано-советскую границу от проникновения талибов, расколовшихся после смерти их лидера муллы Омара, но не ставших менее опасными, пока их поддерживают Саудовская Аравия и Пакистан, и боевиков движений, финансируемых Катаром и Турцией, частично объявивших о присоединении к ИГ, как Исламское движение Узбекистана и исламистские движения и партии таджиков и уйгуров. Очевидно, что приближающиеся попытки дестабилизации Центральной Азии и свержения контролирующих постсоветские республики светских режимов – вне зависимости от уровня их авторитаризма и контактов с Западом – будут автоматически поддержаны «сирийской тройкой» (Дохой, Анкарой и Эр-Риядом), имеющей в регионе прочные позиции. Не приходится сомневаться, что эту деятельность поддержат США и ЕС просто в силу проблем, которые это создаст для России и Китая.

Система коллективной безопасности региона, будь то ШОС или ОДКБ, не полна: Ашхабад и Ташкент ее игнорируют, пытаясь играть собственную игру. Проблема легитимной передачи верховной власти в государствах Центральной Азии между тем доста-

точно остра. Традиция, если не считать наследования умершему национальному лидеру (как в Туркменистане) или свержения действующего (как в Киргизии), отсутствует. Парламентская оппозиция является фикцией или просто не существует. Уровень коррупции высок. Происламские настроения населения сильны, а движения, которые на них опираются, ориентированы на джихадизм и тесно связаны с крайними радикалами исламского мира и их спонсорами. Влияние на текущую ситуацию в странах Центральной Азии региональных элит, криминальных кланов и наркомафии стоит учитывать: оно значительно превышает возможности Соединенных Штатов.

Особый вопрос – проблема афганских наркотиков, являющихся главной статьей дохода населения и элиты этой страны. Афганистан, превратившийся за время международной оккупации в монополиста-производителя опиатов и героина, сохранит это место при любом правительстве. Тем более что претензии на контроль над ситуацией в этой стране Пакистана, поддерживаемого Саудовской Аравией, способствуют этому. Причем саудовско-пакистанский альянс, сложившийся на протяжении более трети века в рамках сотрудничества в Афганистане со времен борьбы с советскими войсками, имеет тенденцию к упрочению за счет расширения партнерства этих государств в ядерной сфере.

Ядерное измерение

Говоря проще, Саудовская Аравия финансирует расширение ядерных арсеналов Пакистана средней дальности, которые он пополняет в рамках противостояния с Индией и поддержания с ней ядерного баланса, как делал и ранее. Разница в том, что Иран, заключивший «ядерную сделку» с США и другими членами «шестерки» переговорщиков, на протяжении длительного периода пытавшихся выстроить баланс интересов с Тегераном, после снятия санкций представляет значительно большую угрозу для Эр-Рияда. Эксперты полагают, что Саудовская Аравия может в короткий срок получить от Пакистана небольшие, но готовые к бою ядерные запасы, не столько намереваясь их применить в случае внешней угрозы, сколько для того, чтобы гарантировать себе защиту на крайний случай. Ведь США, их официальный гарант безопасности, продемонстрировали в ходе переговоров с Ираном свое истинное отношение к старым ближневосточным союзникам.

Превращение Ближнего Востока в «безъядерную зону» в любом случае изначально имело основной, если не единственной, целью разоружение Израиля. Разработка ядерной программы Тегерана превратила безъядерную идею в фикцию, которой она, впрочем, была с самого начала, учитывая, что тесно связанный с консервативными арабскими монархиями Персидского залива ядерный Пакистан только географически является частью Южной Азии, составляя на протяжении всей своей истории неотъемлемую часть БСВ. Гонка ядерных вооружений в этом регионе – естественный итог провала санкционной политики в отношении Ирана и договора этой страны с мировым сообществом, фактически легитимировавшего его будущий ядерный статус. С этой точки зрения наилучшим выходом для обеспечения безопасности региона могло бы стать соглашение о ненападении между Израилем и Ираном. Однако Иран, в отличие от Израиля, пойти на него в обозримом будущем явно не готов.

При этом Израиль не имеет претензий к соседям и не претендует ни на что, помимо обеспечения собственной безопасности, но готов жестко реагировать на любые попытки ослабить его обороноспособность, с чьей бы стороны они ни исходили. В этой связи появление ВКС России в Сирии, мешающее Ирану взять ее под полный контроль, расценивается израильским руководством с позиции позитивного нейтралитета. Не случайно Израиль стал первой страной западного сообщества, наладившей с Москвой координацию по ситуации в Сирии. Отметим, что это прервало опасные попытки Саудовской Аравии втянуть израильский ЦАХАЛ в войну с Ираном, предпринимавшиеся на протяжении длительного времени не без определенных успехов.

Палестина и беженцы

Наконец, в рамках данной статьи нельзя не сказать о провале палестино-израильского «мирного урегулирования». Позиции сторон оказались абсолютно и окончательно несовместимыми – и были таковыми изначально. Односторонние уступки для поддержания иллюзии переговорного процесса не одобряются израильским обществом, в том числе вследствие поддержки анти-израильского терроризма руководством ХАМАС в Газе и Палестинской национальной администрации в Рамалле. Неготовность палестинской стороны к обсуждению вопросов, которые должны были быть разрешены еще в мае 1999 г., зашкаливающая в ПНА

коррупция и явное нежелание строить собственное государство, притом что Израиль не демонтирует механизмы палестинского самоуправления, чтобы не брать на себя ответственность за палестинских арабов, контрастируют с надеждами 1990-х годов.

При этом катастрофическая ситуация с беженцами, в том числе арабскими, в ближайшее время может привести к унификации программ их поддержки международным сообществом, лишив палестинцев статуса «беженцев первого сорта». Тем более что положение Иордании, граничащей с Ираком и Сирией, а также Ливана, более чем шатко. Алжир с его правящей геронтократией и борьбой за власть в элите нестабилен. Судан расколот, он так и не вышел из гражданской войны, несмотря на отделение Джубы. Сомали разделен на враждующие анклавы. Эритрея все больше ориентируется на Саудовскую Аравию и ОАЭ. Опорой Джибути служат иностранные военные базы. Все эти страны и территории представляют собой еще одну зону нестабильности. То же можно сказать об африканской периферии БСВ – Сахаре и Сахеле, сепаратистские и радикально-исламистские движения которых дестабилизируют зону от Марокко до Мавритании и значительную часть Черной Африки.

Пожалуй, единственная «хорошая» новость, касающаяся БСВ, состоит в том, что Балканы и Закавказье по сравнению с Сахелем и Аф-Паком являют буквально оазис спокойствия. Что само по себе демонстрирует, насколько запущена ситуация в регионе, несмотря (а скорее благодаря) попыткам его «демократизации». Демонтаж Шенгенской зоны из-за направляющихся в Германию через Балканы беженцев может стать началом конца Евросоюза. На Закавказье влияют Турция и Иран, а также противостояние между Вашингтоном и Брюсселем, с одной стороны, и Москвой – с другой. Но по сравнению с тем, что там могло бы происходить, их положение сравнительно стабильно. В Афинах, Белграде или Будапеште с этим вряд ли кто-нибудь согласится, однако, вспоминая хотя бы о проблеме рабства в Ираке, Судане и Мавритании и геноциде христиан в Сирии и Ираке и курдов-йезидов в Ираке, понятно, в чем состоит разница между кризисом и катастрофой.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2015 г., т. 13, № 6, ноябрь / декабрь, с. 38–49.*